

SOME REFLECTIONS ON THE HISTORIOGRAPHY OF THE “BABURNAMA”**Askariy Madraimov***PhD, Associate Professor, Tashkent State University of Oriental Studies*askariy_madraimov@tsuos.uz*Tashkent, Uzbekistan***ABOUT ARTICLE**

Key words: Baburnama; historiography; Timurids; state institutions; source studies; Chagatai language; regional research traditions; genre identification; textual criticism; authorial subjectivity.

Received: 20.07.25**Accepted:** 21.07.25**Published:** 22.07.25

Abstract: This article is devoted to a historiographic analysis of the Baburnama as a written source on the history of Timurid institutions. The aim of the study is to systematize the main stages, regional traditions, and areas of study of the work, as well as to assess its source study potential for the reconstruction of Timurid statehood. Historiographic, problem-chronological, comparative historical, and source study methods are used. Four stages of Baburnama study (16th–18th, 19th, 20th, and 21st centuries) are identified, and the main research traditions are characterized. It is established that from an early period the work was perceived not only as a memoir but also as a political and normative text. Unresolved issues of its genre identification, authorial subjectivity, and the lack of a full-fledged critical edition of the Chagatai text are identified. A conclusion is drawn regarding the high potential of the Baburnama for the institutional reconstruction of the Timurid dynasty and the need for its systematic comparison with parallel sources. Keywords: Baburnama; historiography; Timurids; state institutions; source studies; Chagatai language; regional research traditions; genre identification; textual criticism; author's subjectivity.

“BOBURNOMA” TARIKSHUNOSLIGI HAQIDA AYRIM MULOHAZALAR**Askariy Madraimov***PhD, Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti dotsenti*askariy_madraimov@tsuos.uz

---

MAQOLA HAQIDA

Kalit so'zlar: "Boburnoma"; tarixshunoslik; Temuriylar; davlat institutlari; manbashunoslik; chig'atoy tili; mintaqaviy tadqiqot an'analari; janriy identifikatsiya; matnshunoslik; muallif subyektivligi.

Annotatsiya: Maqola «Boburnoma»ni Temuriylar hokimiyat institutlari tarixi bo'yicha yozma manba sifatida tarixshunoslik nuqtayi nazaridan tahlil qilishga bag'ishlangan. Tadqiqotning maqsadi asarni o'rganishning asosiy bosqichlari, mintaqaviy an'analari va yo'nalishlarini tizimlashtirish, shuningdek, uning Temuriylar davlatchiligini rekonstruksiya qilishdagi manbashunoslik salohiyatini baholashdan iborat. Tadqiqotda tarixshunoslik, muammoviy-xronologik, tarixiy-qiyosiy va manbashunoslik metodlaridan foydalanildi. «Boburnoma»ni o'rganishning to'rtta bosqichi (XVI–XVIII, XIX, XX va XXI asrlar) ajratib ko'rsatilib, asosiy tadqiqot an'analari tavsiflandi. Aniqlanishicha, asar dastlabki davrlardan oq memuar asar sifatida emas, balki siyosiy-me'yoriy matn sifatida ham qabul qilingan. Uning janriy identifikatsiyasi, muallif subyektivligi hamda chig'atoycha matnning to'laqonli tanqidiy nashri mavjud emasligi bilan bog'liq hal etilmagan muammolar aniqlandi. «Boburnoma» Temuriylar davlat institutlarini rekonstruksiya qilishda yuqori manbashunoslik salohiyatiga ega ekani va uni parallel manbalar bilan tizimli qiyoslash zarurligi haqida xulosa chiqarildi.

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИИ «БАБУР-НАМЕ»

Аскарый Мадраимов

PhD, доцент Ташкентского государственного университета востоковедения

askariy_madraimov@tsuos.uz

Ташкент Узбекистан

О СТАТЬЕ

Ключевые слова: Бабур-наме; историография; Тимуриды; государственные институты; источниковедение; чагатайский язык; региональные исследовательские традиции; жанровая идентификация; текстология; авторская субъективность.

Аннотация: Статья посвящена историографическому анализу «Бабур-наме» как письменного источника по истории институтов власти Тимуридов. Цель исследования заключается в систематизации основных этапов, региональных традиций и направлений изучения памятника, а также оценке его источниковедческого потенциала для реконструкции тимуридской государственности. Используются историографический, проблемно-

---

хронологический, сравнительно-исторический и источниковедческий методы. Выделены четыре этапа изучения «Бабур-наме» (XVI–XVIII, XIX, XX и XXI вв.) и охарактеризованы основные исследовательские традиции. Установлено, что памятник с раннего периода воспринимался не только как мемуарное произведение, но и как политико-нормативный текст. Выявлены нерешённые проблемы его жанровой идентификации, авторской субъективности и отсутствия полноценного критического издания чагатайского текста. Сделан вывод о высоком потенциале «Бабур-наме» для институциональной реконструкции Тимуридов и необходимости его систематического сопоставления с параллельными источниками.

Введение: «Бабур-наме», или «Вакаи» («События»), как называл своё сочинение сам Бабур, было написано на классическом литературном узбекском языке в первой трети XVI века и охватывает события жизни автора с 1494 по 1529 год. Памятник занимает особое место среди нарративных источников по истории Центральной Азии, Афганистана и Северной Индии. В тексте, однако, есть значительные лакуны – прежде всего за период 1508-1519 годов, время наиболее интенсивной политической борьбы Бабура за возвращение Мавераннахра. Причины этого пробела остаются предметом дискуссии в историографии, так как само его наличие является принципиальным источниковедческим фактом и требует привлечения параллельных источников.

Актуальность обращения к специальной историографии «Бабур-наме» определяется тем, что, несмотря на глобальный масштаб бабуроведения, памятник остаётся недостаточно использованным именно в исследованиях институтов государственности эпохи Темуридов. Наиболее полное библиографическое собрание трудов по «Бабур-наме» и бабуридской теме систематизировано в указателе Ш.Ш. Рустамходжаева и в библиографии, выпущенной Национальным фондом Бабура; в совокупности эти издания охватывают тысячи публикаций на нескольких десятках языков. В.В. Бартольд, один из первых востоковедов, давших целостную оценку памятнику, назвал «Бабур-наме» «лучшим произведением тюркской прозы», это суждение, остаётся точкой отсчёта для всей последующей историографии.

Нами сформулирована гипотеза о том, что «Бабур-наме» является исключительно ценным источником для реконструкции трёх ключевых институтов тимуридской

государственности, династического принципа верховной власти, военной организации общества и системы управления территориями через представителей правящей элиты. Историографический анализ, однако, показывает, что этот потенциал реализован лишь частично. Научная проблема настоящей статьи состоит в том, чтобы определить, насколько источниковедческий потенциал «Бабур-наме» уже использован применительно к задачам институциональной реконструкции, и выявить конкретные исследовательские лакуны.

Степень изученности вопроса характеризуется наличием обширных библиографических сводок, критических изданий, переводов и ряда монографических исследований. Существующие подходы распределяются по хронологическому (по этапам изучения), территориальному (по региональным традициям) и тематическому (по аспектам содержания) измерениям. Исследовательский пробел заключается в отсутствии работ, которые бы целенаправленно соотносили историю изучения «Бабур-наме» с задачами реконструкции государственных институтов и фиксировали бы конкретные методологические и источниковедческие лакуны в этой области.

Цель статьи – провести историографический анализ изучения «Бабур-наме» как исторического источника, выявить основные этапы, региональные традиции и тематические направления, а также оценить степень реализации его источниковедческого потенциала применительно к реконструкции тимуридской государственности. Для достижения цели последовательно решаются следующие задачи: выделяются и характеризуются качественно различные этапы изучения памятника, анализируется вклад основных региональных исследовательских традиций, систематизируются тематические направления и формулируются нерешённые проблемы, препятствующие полноценной реализации источниковедческого потенциала «Бабур-наме» для институциональных исследований.

Научная новизна определяется тем, что обзор строится не как формальный перечень достижений, а как аналитическое выявление того, насколько существующая историография подготовила почву для институционального исследования, и какие методологические проблемы остаются нерешёнными. Научная значимость работы состоит в уточнении места «Бабур-наме» в источниковой базе по истории поздних Тимуридов и в формулировании конкретных направлений дальнейших исследований.

Анализ литературы: Источниковая база настоящего обзора включает переводы и критические издания «Бабур-наме», специальные монографические исследования, лингвистические труды и библиографические своды, изданные на русском, узбекском, английском и французском языках. Среди работ, определивших магистральные направления бабуроведения, необходимо особо выделить монографию С. А. Азимджановой

«Государство Бабура в Кабуле и в Индии» (1977). Она впервые представила целенаправленное извлечение из «Бабур-наме» институциональных данных о структуре тимуридской власти. Не менее значимым остаётся труд Г. Ф. Благовой «Бабур-наме»: язык, прагматика текста, стиль» (1994), заложивший лингвистическую основу для точной интерпретации военно-административной терминологии памятника. Прочную текстологическую опору всей последующей историографии дала работа А.С. Беверидж. Её факсимильное издание Хайдарабадского кодекса (1905) и последующий полный английский перевод (1922) до сих пор служат отправной точкой для большинства исследований оригинала.

Среди новейших работ ключевое место занимает монография американского историка С. Ф. Дейла «The Garden of the Eight Paradises» (2004). Она была переиздана в сокращённом виде в 2018 году под заглавием «Babur, Timurid Prince and Mughal Emperor», и именно в ней институциональный анализ «Бабур-наме» доведён до наиболее полной на сегодняшний день формы. Заслуживает внимания и недавнее исследование Н. Отажонova «Бабур и Бабур-наме» (2023), обосновывающее историко-художественную природу памятника и представляющее собой на данный момент наиболее полный узбекоязычный обзор бабуроведческой традиции. Библиографический охват темы систематизирован в указателе Ш.Ш. Рустамходжаева (2016) и в энциклопедическом издании Национального фонда Бабура (2014, 2017). Эти своды фиксируют объём накопленной литературы и позволяют оценить степень изученности отдельных аспектов памятника.

Методы исследования

Объектом исследования является историография «Бабур-наме» как исторического источника. Предметом – этапы изучения памятника, региональные исследовательские традиции, тематические направления и степень реализации его потенциала для реконструкции государственных институтов Тимуридов.

В работе используются: историографический метод, он применяется как основной инструмент структурирования материала; проблемно-хронологический метод структурирует материал по четырём выделенным этапам изучения и позволяет проследить качественные изменения в подходах к памятнику; сравнительно-исторический метод применяется при сопоставлении региональных традиций и при оценке возможности верификации данных «Бабур-наме» по параллельным источникам.

Логика исследования строится от общего обзора историографии к выявлению конкретных лакун, связанных с институциональной проблематикой. Каждый этап и каждая традиция анализируются с точки зрения того, насколько они способствовали или, напротив, оставляли неразработанным потенциал «Бабур-наме» как источника по государственным

институтам. Принцип анализа – не формальное перечисление авторов и трудов, а выявление вклада каждого значимого исследования в понимание «Бабур-наме» именно как институционального источника.

Основная часть

В историографии принято разграничивать несколько измерений анализа «Бабур-наме»: хронологическое, территориальное и тематическое. Ниже последовательно рассматриваются все три.

Хронологическая динамика изучения памятника: Первый этап (XVI-XVIII вв.). История изучения «Бабур-наме» начинается ещё при жизни самого автора и его ближайших потомков. Уже при дворе Бабура в Кабуле, а позднее в Индии, мемуары бытовали в узком кругу приближённых как своего рода политическое наставление. Хумаюн падишах, унаследовавший индийский престол, хорошо знал текст отца и ценил его именно как руководство к государственному действию. Двойственная – мемуарная и одновременно нормативная – природа памятника определила весь характер его первоначального бытования.

При дворе Акбаршаха (1556-1605) в изучении памятника произошёл качественный скачок: «Бабур-наме» два раза переводили на персидский язык, официальный язык придворной культуры. Лучшим из этих переводов по праву считается перевод Абдаррахим Хан-и Ханана, завершённый в ноябре 1589 года. По мнению некоторых специалистов, первоначальное название памятника остаётся неизвестным: сам автор, по всей видимости, устойчивого заглавия ему не давал, и в источниках последующих эпох он именовался по-разному – «Вокеанома», «Вокеаи Бобури», «Тузуки Бобури», «Таворихи Бабур» и другие. Показательно уже само это разнообразие: оно свидетельствует, что памятник довольно рано стали ассоциировать не только с личными воспоминаниями, но и с жанром государственного уложения – иначе вряд ли среди его названий закрепилось бы что-то перекликающееся с «Тузукат-и Тимури».

Основой для всех последующих критических изданий «Бабур-наме» стал Хайдарабадский список – наиболее полная и достоверная версия чагатайского оригинала, созданная в Индии в эпоху Аурангзеба (1658–1707) и впоследствии воспроизведённая в факсимиле А. С. Беверидж (1905). Ценным дополнением к тексту служит и «Хумаюн-наме» дочери Бабура Гульбадан-бегим – одной из немногих женщин-историков мусульманского Востока своего времени, – где сохранились сведения о жизни и деятельности Бабура, дополняющие и отчасти верифицирующие данные «Бабур-наме». Так уже в XVI-XVII веках складывался первый корпус нарративных источников, позволяющий работать с памятником в режиме перекрёстной проверки.

В последующие два столетия «Бабур-наме» оставалось настольной книгой для потомков Бабура – Хумаюна, Акбара, Джахангира, Шахджахана, Аурангзеба, – воспринимавших его как наставление в государственном управлении и военном искусстве; его материалы использовали и придворные историки следующих поколений, от Абулфазла Аллами в «Акбар-наме» до Фериште и Абдулкадира Бадауни. Иначе говоря, памятник с самого начала функционировал не как замкнутый семейный документ, а как живой источник политической мудрости.

Интерес к «Бабур-наме» в Западной Европе возник раньше, чем принято считать: около 1705 года в Нидерландах Николас Витсен, учёный, дипломат и исследователь Северной и Восточной Азии, сделал первый частичный перевод памятника, опираясь на персидскую версию. Систематическое же научное изучение развернулось лишь столетие спустя.

Второй этап (XIX в.), становление научного бабуроведения. Переход от почтительного цитирования «Бабур-наме» к его строгому научному изучению начался в России, Великобритании и Франции почти одновременно, хотя разными путями. В России интерес к памятнику проявился ещё раньше: в 1714 году в Бухаре был приобретён список рукописи, впоследствии изученный в Санкт-Петербурге. Ключевым же событием стало первое печатное издание чагатайского текста, выполненное в 1857 году в Казани Н. И. Ильминским (Ильминский, 1857), эта работа сделало памятник доступным для исследователей за пределами рукописных хранилищ. Опираясь именно на казанское издание, французский востоковед Антуан Паве де Куртейль подготовил первый научный перевод «Бабур-наме» на западноевропейский язык – двухтомное издание 1871 года, снабжённое пространным предисловием, где автор дал компетентную лингвистическую характеристику оригинала и его связи с наследием Алишера Навои.

В Великобритании первый перевод на английский язык появился в 1826 году. Джон Лейден начал переводить с оригинала, но не завершил работу и умер; он успел перевести меньше половины текста. Уильям Эрскин продолжил труд предшественника и завершил его не с оригинала, а с персидского перевода Абдаррахима, что заметно ограничило научную ценность издания: административная и политическая терминология оригинала в персидском посредничестве неизбежно смягчалась. Тем не менее издание открыло памятник англоязычному читателю и на несколько десятилетий определило его образ в западной науке. В России во второй половине XIX века появились и первые частичные переводы на русский язык – в частности, публикация Н.Н. Пантусова 1880 года, посвящённая ферганскому разделу (Пантусов, 1880).

Настоящий прорыв в текстологии связан с именем Аннет Сюзанны Беверидж, посвятившей изучению памятника несколько десятилетий жизни. В 1905 году под её редакцией вышло научное факсимиле Хайдарабадского кодекса – издание, ставшее фундаментом всей последующей текстологии «Бабур-наме». Затем А. С. Беверидж взялась за куда более масштабное предприятие – первый полный перевод памятника с чагатайского оригинала прямо на английский, минуя персидское посредничество; перевод выходил отдельными выпусками (Ферганская часть - 1912, Кабульская часть - 1914, Период Индостана - 1917, введение и указатели - 1921), а собранное двухтомное издание появилось в 1921-1922 годах.

Третий этап (XX в.), институционализация бабуроведения. Двадцатый век, это время формирования национальных школ, появления полных переводов памятника на ключевые языки мира и разработки специализированных методов его источниковедческого анализа. В советском бабуроведении ключевым событием стала публикация в 1958 году в Ташкенте первого полного русского перевода «Бабур-наме», выполненного Михаилом Александровичем Салье под редакцией С.А. Азимджановой, данный перевод опирался на Хайдарабадский кодекс в издании Беверидж и на казанский текст Ильминского и отличался высоким художественным уровнем. В 1982 году в составе двухтомного «Избранного» Бабура вышло сокращённое переиздание перевода М.А. Салье, оно не является самостоятельным академическим изданием. Таковым следует считать доработанное издание 1993 года, где текст был заново сверен с обоими источниками, а часть неточностей исправлена.

Узбекская переводческая традиция восходит к 1948 году, когда П. Шамсиев и С. Мирзаев подготовили в Ташкенте первое научное издание «Бабур-наме» на узбекском языке в двух томах, а в 1960 году те же составители выпустили переработанное однотомное издание с предисловием В. Захидова. Эти публикации заложили основу узбекской бабуроведческой школы и определили направление нескольких поколений исследователей.

Первым специальным монографическим исследованием «Бабур-наме» как источника по политической истории в советской историографии стала работа С.А. Азимджановой «Государство Бабура в Кабуле и в Индии» (1977), выстроенная как последовательное извлечение и анализ институциональных свидетельств памятника применительно к кабульскому и индийскому периодам правления Бабура. Несмотря на присущий советской историографии акцент на социально-экономических процессах, эта монография остаётся образцом целенаправленной работы с «Бабур-наме» именно как с институциональным источником.

Не менее важным является труд Галины Фёдоровны Благовой «Бабур-наме»: язык, прагматика текста, стиль» (1994), где дан детальный синтаксический анализ чагатайского оригинала, разобрана семантика военно-административной терминологии памятника («улус», «вилайет», «тимар», «суюргал», «диванбеги», «ясавул» и другие). Без этой лингвистической базы точная историческая интерпретация описаний государственных институтов вряд ли возможна.

В 1980 году под эгидой ЮНЕСКО в Париже вышел французский перевод Жана-Луи Бакке-Граммона, это новый этап во французской переводческой традиции, начатой ещё Павом де Куртейлем столетием раньше. Важным звеном советского изучения «Бабур-наме» как исторического источника стали работы Т.И. Султанова, который показал, что содержащиеся в памятнике данные во многих случаях поддаются проверке по независимым источникам, прежде всего по «Тарих-и Рашиди» Мухаммада Хайдара Дуглата и «Хабиб ас-сийар» Хондемира. Такое совпадение фактических данных нескольких независимых нарративов существенно повышает доверие к «Бабур-наме» как источнику и служит одним из аргументов в пользу его использования для институциональной реконструкции. В том же направлении, сопоставления «Бабур-наме» с параллельной шейбанидской традицией, работал ещё раньше А.А. Семёнов в монографии о Шейбани-хане.

Четвёртый этап (XXI в.): институциональный анализ и цифровое бабуроведение. Начало нынешнего века ознаменовалось появлением нового английского перевода «Бабур-наме», выполненного Уилером М. Текстоном, – сперва в академическом издании 1996 года, а затем, в 2002 году, в более доступном формате серии Modern Library с предисловием Салмана Рушди. Перевод У. Текстона основан на критическом сопоставлении нескольких рукописей, включая Хайдарабадскую, и снабжён обширными комментариями к административной терминологии, географическим реалиям и политическим аллюзиям оригинала.

Ещё более масштабный вклад в изучение памятника принадлежит американскому историку Стивену Ф. Дейлу, чья монументальная критическая биография Бабура «The Garden of the Eight Paradises» (2004) стала первой работой, где текст «Бабур-наме» систематически сопоставлен с персидским поэтическим диваном Бабура и другими источниками, для задач институциональной реконструкции особенно ценны те её разделы, где реконструируются конкретные механизмы управления уделами и система военных пожалований. В 2018 году С.Ф. Дейл выпустил переработанную и сокращённую версию этой книги под заглавием «Babur: Timurid Prince and Mughal Emperor».

В 2023 году в Варшаве вышла монография Нематилло Отажонова «Бабур и Бабур-наме» – на сегодняшний день, пожалуй, наиболее полное исследование памятника. Н.

Отажонов убедительно обосновывает тезис о том, что «Бабур-наме» – это одновременно «сложное историко-художественное произведение», в котором автор «придаёт большое значение отбору и систематизации событий», то есть сознательно выстраивает определённый образ политической реальности, а не просто механически фиксирует происходящее. Для источниковедческой методологии это наблюдение существенно: оно означает, что работа с «Бабур-наме» требует учитывать авторскую интенцию и избирательность повествования.

Далее поразмышляем о региональных исследовательских традициях. Здесь Центральноазиатская традиция занимает особое место в силу культурной близости к автору памятника: здесь «Бабур-наме» изучают прежде всего как явление узбекского литературного языка и культуры, вслед за оценкой В.В. Бартольда. Современный Узбекистан представлен разнообразными исследованиями – от текстологических работ до источниковедческих.

Российская и советская традиция – от Н.И. Ильминского (1857) через переводы М.А. Салье (1958, 1993) до лингвистических трудов Г.Ф. Благовой (1994) внесла решающий вклад прежде всего в текстологию и лингвистику памятника. Особняком стоит искусствоведческое направление – изучение миниатюр «Бабур-наме» из собрания Государственного музея Востока в Москве.

Западноевропейская традиция распадается на несколько национальных школ. Британская. от перевода Лейдена, Эрскина (1826) через текстологический труд Беверидж (1905-1922) до институционального анализа С.Ф. Дейла (2004, 2018), сосредоточена на критической работе с оригинальным текстом. Французская – переводы Паве де Куртейля (1871) и Бакке-Граммона (1980) исторически тяготеет к филологическому и жанровому осмыслению памятника. Немецкая ориенталистика XIX века и тюркологические труды венгра А. Вамбери заложили лингвистические основы изучения чагатайского текста в континентальной Европе.

Индо-пакистанская традиция рассматривает «Бабур-наме» прежде всего как источник по истории бабуридской империи в Индии. Мухибул Хасан в монографии «Babur, Founder of the Mughal Empire in India» отмечал, что описания, которые Бабур даёт Индии и её народу, «пробуждают интеллектуальную любознательность» и что «ни один мусульманский историк или географ, за исключением ал-Бируни, не описал Индию так живо и верно». Дж. Неру в «Открытии Индии» писал, что с приходом Бабура в жизнь, искусство и архитектуру Индии «пришли новые стимулы». Пакистанские исследователи изучали памятник в контексте исламской легитимации бабуридской государственности.

Турецкая традиция занимает особое место благодаря языковому родству чагатайского (классического узбекского) и турецкого языков; это даёт турецким учёным прямой доступ к оригиналу, недоступный многим другим традициям. Р.Р. Арат подготовил первый полноценный турецкий перевод с детальным филологическим комментарием; М. Шен в диссертации, посвящённой кабульскому и индийскому разделам памятника, подготовил их критическое издание с аннотированным указателем.

Проведённый обзор был бы неполон, если бы ограничился перечнем достижений: историографическая традиция не только накапливает знание, но и формулирует нерешённые задачи. Применительно к «Бабур-наме» такие затруднения группируются вокруг трёх взаимосвязанных проблем.

Первая, по существу исходная, проблема – жанровая идентификация памятника. От того, как исследователь отвечает на вопрос, чем именно является «Бабур-наме» – мемуарами, автобиографией, нарративной историей или государственным наставлением, – напрямую зависит методология его источниковедческого использования: жанр диктует ожидания в отношении достоверности, полноты и характера отбора материала. Единого ответа историография так и не выработала: У. М. Текстон настаивает на автобиографической уникальности памятника, называя его первой подлинной автобиографией в исламской литературе; Н. Отажонов делает акцент на его историко-художественной природе, сближая текст скорее с традицией нарративной прозы, чем с чистой документалистикой. Настоящее исследование не видит необходимости выбирать между этими позициями: «Бабур-наме» одновременно автобиография, исторический нарратив и политический текст, и именно это жанровое совмещение не сужает, а расширяет его источниковедческую ценность, позволяя извлекать из памятника разнородные типы информации, каждый из которых верифицируется собственными методами.

Из проблемы жанра логически вытекает вторая проблема, авторской субъективности. Если «Бабур-наме», написанный не сторонним наблюдателем, а непосредственным участником и заинтересованной стороной политических событий, закономерно встаёт вопрос о мере доверия к его свидетельствам. Бабур, безусловно, был активным политическим участником и автором, кровно заинтересованным в определённой интерпретации происходившего. Тем не менее, как показывают работы Т.И. Султанова, там, где фактографические утверждения памятника поддаются внешней проверке по независимым источникам, степень их достоверности оказывается весьма высокой. Отсюда, принципиальный для методологии вывод: субъективность автора не обесценивает «Бабур-наме» как источник, но требует последовательного разграничения фактографического ядра сообщения и его интерпретационной, легитимационной оболочки.

Третья проблема касается уже не столько самого текста «Бабур-наме», сколько состояния его научного издания. «Бабур-наме» описывает функционирование тимуридских государственных институтов не в нормативном, идеализированном виде, характерном для официальных придворных хроник, а в кризисных, реальных условиях и потому остаётся почти незаменимым источником для реконструкции практической, а не декларируемой логики тимуридской государственности. Реализовать этот потенциал в полной мере, однако, мешает чисто техническое, но от этого не менее серьёзное обстоятельство: критическое издание чагатайского (классического узбекского) текста, учитывающее все сохранившиеся рукописи в их взаимных стемматологических связях, до сих пор не создано. Следствием этого пробела оказывается то, что интерпретация ряда ключевых мест текста, прежде всего связанных с административной и военно-политической терминологией, остаётся уязвимой для разночтений, восходящих не к существу дела, а к несовершенству имеющейся текстологической базы.

Взятые вместе, эти три проблемы, это жанровая неопределённость, авторская ангажированность и текстологическая незавершённость, очерчивают контур той методологической задачи, решение которой необходимо для полноценной реализации источниковедческого потенциала памятника в институциональных исследованиях.

Историографический анализ подтверждает гипотезу о незаменимой ценности «Бабур-наме» как источника по государственным институтам Тимуридов. Памятник с самого начала воспринимался как нормативно-политический текст; он содержит уникальные свидетельства о практической логике функционирования институтов в кризисных условиях; данные памятника во многих случаях поддаются внешней верификации; лингвистическая база для точной интерпретации административной терминологии создана. Вместе с тем анализ фиксирует конкретную лакуну: систематическое использование памятника для целенаправленной реконструкции трёх ключевых институтов, династического принципа верховной власти, военной организации общества и системы территориального управления, с применением метода перекрёстной верификации по параллельным источникам в историографии по-прежнему отсутствует.

Заключение: Проведённый историографический анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Историография изучения «Бабур-наме» прошла четыре качественно различных этапа. На первом (XVI-XVIII вв.) памятник воспринимался как нормативно-политический текст и государственное наставление, которое само по себе свидетельствует о его изначальном статусе источника по государственным институтам. На втором (XIX в.) сложилось научное бабуроведение, обеспечившее критическое издание текста и первые профессиональные

переводы. На третьем (XX в.) сформировались национальные исследовательские школы и появились фундаментальные источниковедческие и лингвистические труды. На четвёртом (XXI в.) бабуроведение вышло на новый уровень институционального анализа и начало осваивать цифровые методы работы с текстом.

Кроме того, ключевые достижения рассмотренных региональных традиций взаимно дополняют друг друга: центральноазиатская обеспечивает культурный и политический контекст; российско-советская – лингвистические и текстологические инструменты; британская – критический институциональный анализ; французская – филологическое и жанровое осмысление; турецкая – текстологическую строгость; индо-пакистанская – сравнительный контекст бабуридской государственности.

Историографический анализ также подтверждает гипотезу о незаменимой ценности «Бабур-наме» как источника по государственным институтам Тимуридов и одновременно фиксирует конкретную лакуну: систематическое использование памятника для целенаправленной реконструкции трёх ключевых институтов с применением метода перекрёстной верификации по параллельным источникам в историографии по-прежнему отсутствует.

Наконец, три взаимосвязанные проблемы – жанровая неопределённость, авторская ангажированность и текстологическая незавершённость – очерчивают контур методологической задачи, решение которой необходимо для полноценной реализации источниковедческого потенциала памятника.

Необходимо оговорить ограничения настоящего историографического обзора. Он опирается на опубликованные монографии, переводы, критические издания и статьи, доступные автору на русском, узбекском, английском и французском языках, и не претендует на исчерпывающий охват всего корпуса публикаций о «Бабур-наме», который, по данным библиографических сводок Ш. Ш. Рустамходжаева и Национального фонда Бабура, исчисляется тысячами наименований на нескольких десятках языков; за его пределами остаются, в частности, публикации на персидском, урду и арабском языках, а также малодоступные архивные и рукописные материалы. Выделение четырёх этапов, шести региональных традиций и трёх ключевых проблем отражает качественную, а не библиометрическую картину историографии.

Сформулированные выводы применимы прежде всего к историографии «Бабур-наме» как источника по государственности Тимуридов; их распространение на историографическое изучение других письменных памятников тюрко-монгольского круга того же жанра (в частности, мемуарной и нормативно-политической литературы иных

династий) требует отдельной проверки, поскольку каждый такой памятник обладает собственной рукописной традицией, кругом переводов и историей научного освоения.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются: подготовка полноценного критического издания чагатайского текста, учитывающего все сохранившиеся рукописи в их стемматологических связях; углублённый институциональный анализ с обязательной перекрёстной верификацией по параллельным источникам; разработка методологии разграничения фактографического ядра и интерпретационной оболочки авторского повествования; сравнительное изучение «Бабур-наме» и «Уложения Тимура» как двух звеньев одной нормативной политической традиции.

Список использованной литературы:

1. Азимджанова С. А. Государство Бабур в Кабуле и в Индии. – М.: Наука, 1977.
2. Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – М.: Наука, 1968. – Т. 5.
3. Благова Г. Ф. «Бабур-наме»: язык, прагматика текста, стиль. К истории чагатайского литературного языка. – М.: Восточная литература, 1994.
4. Захир ад-Дин Бабур. Бабур-наме / пер. М. А. Салье; общ. ред. С. А. Азимджановой. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958.
5. Захир ад-Дин Бабур. Бабур-наме: Записки Бабура / общ. ред. и доработка С. А. Азимджановой. – 2-е изд., доработ. – Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1993.
6. Захириддин Мухаммад Бобур энциклопедияси / тахрир хайъати: А. Қайумов ва бошқалар. – Тошкент: Шарқ НМАК, 2014; 2017.
7. Ильминский Н. И. Бабер-намэ, или Записки Султана Бабера. – Казань: Университетская типография, 1857.
8. Неру Дж. Открытие Индии. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1955.
9. Рустамходжаев Ш. Ш. (сост.). Бабур. Бабуриды. Библиография. – М.: Издательство восточной литературы, 2016.
10. Семёнов А. А. Шейбани-хан и завоевание им империи Тимуридов. – Сталинабад, 1954.
11. Султанов Т. И. «Записки» Бабура как источник по истории могулов Восточного Туркестана и Средней Азии // Turcologica: К восьмидесятилетию академика А. Н. Кононова. – Л., 1986. – С. 215–222.
12. Султанов Т. И. Обстоятельства и время написания «Бабур-наме» // Тюркские и монгольские письменные памятники. – М., 1992. – С. 87–98.

13. Шамсиев П., Мирзаев С. (сост.). Бобирнома. – Тошкент: Ўздавнашр, 1948. – 2 жилд.
14. Шамсиев П., Мирзаев С. (сост.). Бобирнома / предисл. В. Захидова. – Тошкент, 1960.
15. Arat R. R. (transl.). Vekayi: Babur'un Hâtıratı. – Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1943–1946. – Vols. 1–2.
16. Bacqué-Grammont J.-L. Le livre de Babur. – Paris: UNESCO, 1980.
17. Beveridge A. S. The Babur-nama in English (Memoirs of Babur). – London: Luzac & Co., 1922. – 2 vols.
18. Dale S. F. The Garden of the Eight Paradises: Babur and the Culture of Empire in Central Asia, Afghanistan and India (1483–1530). – Leiden; Boston: Brill, 2004.
19. Dale S. F. Babur: Timurid Prince and Mughal Emperor, 1483–1530. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
20. Hasan M. Babur, Founder of the Mughal Empire in India. – New Delhi, 1985.
21. Otajonov N. Bobur and «Boburnoma»: Monography. – Warsaw: iScience Sp. z o.o., 2023.
22. Pavet de Courteille A. Baber-nameh (Mémoires de Baber). – Paris: Imprimerie Nationale, 1871.
23. Şen M. Gazi Zahirüddin Muhammed Babur (Giriş – Metin (Kabil ve Hindistan Bölümleri) – Açıklamalı Dizin): dis. – İstanbul: Marmara Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, 1993.
24. Thackston W. M. The Baburnama: Memoirs of Babur, Prince and Emperor. – New York: Oxford University Press / Freer Gallery of Art and Arthur M. Sackler Gallery, 1996.
25. Thackston W. M. The Baburnama: Memoirs of Babur, Prince and Emperor / introduction by Salman Rushdie. – New York: Modern Library, 2002.